

Роберт Парк

Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения*

В эволюционной иерархии, какой ее нам изобразил Герберт Спенсер, животные занимают более высокое положение, нежели растения. Но несмотря на весь прогресс, запечатленный в долгом пути, пройденном от амебы до человека, остается бесспорным и то, что в человеческом существе еще довольно много сохраняется от растения. Это проявляется в незаметном прикреплении человека к месту и локальности, в неистребимом и иррациональном стремлении человека (и в особенности женщины) иметь дом, – пещеру, жилище, пристанище – в котором можно жить и произрастать, какую-нибудь безопасную норку или уголок, из которого можно высовываться по утрам и куда возвращаться к ночи.

До тех пор, пока человек так привязан к земле и к местам на земле, до тех пор, пока ностальгия и тоска по дому владеют им и каждый раз возвращают его назад, к хорошо знакомым и любимым местам, он никогда в полной мере не познает другого свойственного человеку стремления – перемещаться свободно и беспрепятственно по поверхности земных вещей и жить, подобно чистому духу, лишь в своем сознании и воображении.

Я говорю об этом единственно потому, что хочу подчеркнуть следующую мысль: наш разум – это частный случай перемещения. Первейшим и наиболее убедительным свидетельством наличия разума является не просто движение, но, как я уже сказал, – перемещение. Растения не перемещаются, не двигаются в пространстве; они более или менее реагируют на стимулы, хотя и не имеют нервной системы, но никак не перемещаются в пространстве, во всяком случае, своим ходом. А если и перемещаются, то не имеют при этом никакой цели, никакого направления, ибо не имеют никакого воображения.

Животные же как раз и отличаются тем, что могут менять свое местоположение. Такая способность предполагает, что они не только могут помахивать хвостом или двигать конечностями, но что они способны координировать и организовывать весь организм в целом для выполнения определенного действия. Разум, как мы его обычно понимаем, является органом контроля. Он не столько инициирует новые движения, сколько координирует импульсы и, тем самым, мобилизует организм для действия; ибо сознание в его субстантивном аспекте есть не что иное, как наша предрасположенность действовать, другими словами – это наши инстинкты и установки.

Деятельность разума начинается на периферии, со стимулов, которые являются предпосылками действия и полностью себя исчерпывают в нем. Но сознание в транзитивном, вербальном аспекте – это процесс, посредством которого мы, как это говорится, "принимая решения" или меняем их, это процесс, посредством которого мы определяем направление нашего дальнейшего движения и локализуем в воображении цель, которую собираемся преследовать.

Очевидно, что в растениях происходят все те же процессы метаболизма, которые свойственны и животным (это те процессы, которые мы называем вегетативными), но растения никуда не перемещаются. Если бы растения обладали разумом, а некоторые предполагают, что так оно и есть, то это был бы разум созерцательный и вегетативный, подобный разуму тех мистиков, которые, забыв о существовании деятельного мира, полностью поглощены размышлениями над своими внутренними ощущениями. Но для

* R. Park, E. Burgess, R. McKenzie // The City. Univ. of Chicago Press. 1926.

Переводы других статей Р. Парка см. «Социологическое обозрение». 2002. №1. Т.2.

© Центр фундаментальной социологии, 2003

© Перевод с английского Баньковской С.П., 2003

животных, включая их высшие типы (все, что фактически стоит выше устрицы), характерно другое, а именно – они созданы для перемещения и действия. Далее, именно в процессе перемещения, предполагающем смену местоположения и наблюдаемой картины, человечество получило возможность развить как раз те ментальные способности, которые более всего и характерны для человека, а именно – навык и привычку мыслить абстрактно.

В перемещении же возникает и специфический тип организации, который мы называем «социальным». Характерной чертой социального организма, если можно его так назвать, является тот факт, что он состоит из индивидов, способных к независимому перемещению. Если бы общество было, как полагали некоторые, организмом в биологическом смысле, если бы оно состояло из клеток, аккуратно и надежно собранных под оболочкой или кожей, где они все были бы защищены и подконтрольны так, что ни одна клеточка ни коим образом не могла бы иметь свой собственный новый опыт или свои события, то тогда не было бы никакой необходимости наделять людей в обществе разумом. Ибо люди социальны не потому, что они схожи, но потому, что они различны. Их понуждают к действию индивидуальные цели, но, преследуя их, люди осуществляют общую цель. Их импульсы – личные, но их действия – публичные.

В виду всего вышеизложенного, мы можем вполне задаться вопросом, а что происходит с сознанием бродяги. Почему при всем разнообразии своего опыта он так тупо проводит свои дни? Почему, имея столько свободного времени, он не склонен к философствованию? Почему при таком обширном знакомстве с различными местами, людьми, городами, с жизнью в трущобах и на дорогах, он почти не способен расширить наше знание жизни?

Нет нужды даже задумываться над ответом. Рассудок бродяги страдает не от недостатка опыта, но от отсутствия призвания. Бродяга, действительно, всегда в пути, но он движется без определенного направления и никуда не приходит. Охота к перемене мест – самое первое выражение романтического характера и романтического отношения к жизни – становится у него чем-то вроде порочного пристрастия. Он обрел свою свободу, но потерял направление. Перемещение и смена обстановки утратили для него всякое значение. Это перемещение ради перемещения. Беспокойство и стремление бежать от рутины повседневной жизни могут в случае с другими людьми означать начало нового этапа или предприятия, у бродяги же они находят выражение лишь в простом перемещении. Бродяге нужны перемены только ради самих перемен, он к этому привык, и эта привычка, подобно наркомании, замыкает его в порочный круг. Чем больше он странствует, тем больше ему это нужно. Сказать, будто все дело в том, что бродяга – индивидуалист, как это отмечает Нельс Андерсон в своей книге «Бродяга»¹, значит лишь перефразировать вышеизложенное. Бродяга пожертвовал человеческой потребностью в общении и организации ради романтической страсти к индивидуальной свободе. Общество, несомненно, состоит из независимых, перемещающихся индивидов. Именно этот факт перемещения, как я уже сказал, определяет самую природу общества. Но для поступательного развития общества и для его устойчивости индивиды, его составляющие, должны быть местоположены; это необходимо, прежде всего, для того, чтобы они могли коммуницировать, ибо только посредством коммуникации можно сохранить то подвижное равновесие, которое мы называем обществом.

Все формы ассоциации людей покоятся, в конечном счете, на местоположении и местной ассоциации. Характерные для современного общества специфические средства коммуникации – газета, радио и телефон – это всего лишь приспособления для сохранения этого постоянства локальности и функционирования социальной группы, в сочетании с наиболее возможной мобильностью и свободой ее членов.

Бродяга, начинающий с того, что он порывает все локальные связи, прикрепляющие его к семье, к соседской общине, заканчивает тем, что порывает и все другие ассоциации. Он не просто "бездомный", но человек без всякого смысла и дома. Это лишний раз подчеркивает

¹ Имеется в виду книга *Nels Anderson. The Hobo: The Sociology of the Homeless Man. Chicago, 1923*, где было представлено исследование городского района, в котором обитают бездомные. – *Прим. перев.*

всю бесполезность попыток, предпринимаемых людьми, вроде Джеймса Идса², собрать бродяг в собственные ассоциации в различных частях страны, где они смогли бы встречаться, обмениваться опытом, обсуждать свои проблемы и любые общественные проблемы, создать такие места, где они могли бы организовать что-то вроде корпоративного существования и общаться с остальным миром на основе равноправных отношений и надеяться на понимание.

Нечто подобное можно было бы сказать и о Промышленных рабочих мира³ – единственной рабочей организации, которая постоянно стремится организовать неподдающийся организации элемент среди рабочих, а именно – сезонных и случайных работников (и это ей до определенной степени удается). Основные их усилия, предпринимаемые для организации бродяг в их же интересах были направлены (до тех пор, пока были успешными) на то, чтобы дать бродягам самое для них необходимое – групповое сознание, смысл существования и признанное положение в обществе.

И если в целом их постигла неудача, то это отчасти произошло из-за того, что большая часть современного промышленного производства организована так, что оно неизбежно стремится к увеличению доли временных работников. Отчасти же это происходит из-за того, что бродяга, будучи своеобразным типом, находит во временной, сезонной, работе тот род занятий, который наилучшим образом соответствует его характеру, поскольку среди обычных рабочих его можно считать божественным типом. У него артистический темперамент. Помимо неизбежного труда своих рук, единственным важным вкладом бродяги в постоянный общий фонд нашего опыта, который мы называем культурой, является его поэзия. Примечательно, однако, и то, что некоторые наилучшие образцы этой поэзии были созданы в тюрьме. Во время этой вынужденной спокойной оседлости, лишенный возможности перемещаться, бродяга изливает свою обычную беспокойность в песнях, песнях протеста, в призывных гимнах Промышленных рабочих мира, в трагических маленьких балладах, воспевающих тяготы и невзгоды жизни на долгом, томительном пути.

Среди бродяг было много поэтов. Наиболее именитый из них – Уолт Уитмен – выразил всю беспокойность, мятежность и индивидуализм бродяжьей души не только в содержании своих стихов, но и в самой их бесформенности.

Чем, по-вашему, можно насытить душу, кроме свободы ходить где угодно и никому не повиноваться?⁴

Ничто не может лучше выразить дух старого фронта, который более чем какая-либо другая черта американской жизни, послужил формированию американских институтов и американских нравов. Бродяга, по сути, – это задержавшийся пионер фронта, задержавшийся в том времени и в том месте, где и когда фронт уходит в прошлое или уже больше не существует.

Перевод с английского С.П. Баньковской

² Джеймс Бьюкенан Идс (*James Buchanan Eads*) – 1820-1887 – американский инженер-самоучка, прославившийся постройкой трех арочного стального моста через Миссисипи, названного его именем. Мост соединил восточный Сент-Луис в Иллинойсе с Сент-Луисом в Миссури и был открыт в 1874 г. – *Прим. перев.*

³ Промышленные рабочие мира (*Industrial Workers of the World (IWW)*) – созданная в 1905 г. и поныне существующая рабочая организация, ставящая своей целью объединение всех промышленных рабочих, всех отраслей промышленности, «а также безработных, пенсионеров, домохозяек и студентов». IWW противопоставляет себя бюрократизированным профсоюзным организациям и стоит на том, что «между рабочим классом и классом работодателей не может быть ничего общего», «классовая борьба должна продолжаться до полного уничтожения системы наемного труда» и т.п. Издает свой печатный орган "Хлеб и розы" («Bread & Roses»). – *Прим. переводчика.*

⁴ Строчка из стихотворения Уолта Уитмена «Законы творения» из цикла «Осенние ручьи».